

ТЕМА ЧИСТОЙ ДУШИ

Чувствуешь себя крайне неловко, когда берешься написать столь коротко о серьезной работе, которая требует и заслуживает анализа подробного, бережного... Киевский театр русской драмы имени Леси Украинки показал в Москве на сцене МХАТ «Дядю Ваню». Спектакль смотрелся с интересом и имел успех. Я полагаю, что сказать уже одно это — значит дать очень высокую оценку творчеству его создателей.

Да, «Дядя Ваня», поставленный М. Ф. Романовым, смотрится и слушается взволнованно, чутко. Почему я отдельно говорю «слушается»? Потому, что киевляне очень хорошо доносят чеховский текст, и хотя пьеса у зрителя что называется, «на слуху», со спектакля, словно великую драгоценность, уносишь несколько «новых» чеховских реплик. Это значит: они до сих пор проходили мимо тебя, мимо твоего сознания, а театр впервые открыл их, открыл для себя и для других.

Главная черта спектакля киевлян — жизненная достоверность: тут и его сила, тут и его слабость. Сила, потому что веришь и в этого благообразного профессора Серебрякова, что говорит о своих болезнях с патетикой Гамлета и даже в самом деле начинает вносить тебе некоторое почтение к своим болезням и сединам (артист В. Дуклер); и в эту Елену Андреевну, которую часто изображают холодной и безразличной и которая здесь своей печальной, сдержанно драматической нотой напомнила мне другую чеховскую героиню — даму с собачкой (артистка Н. Подовалова); веришь даже в этого откровенно молодого и по-молодому слишком «конкретного» доктора Астрова, вчерашнего студента, для которого «проклятые вопросы» еще вовсе не утратили своей остроты (артист А. Решетников). Слабость, потому что жизненная, бытовая достоверность этого спектакля не всегда переходит в тот высокий поэтический реализм, который включает у Чехова и нечто сверх того, что может быть непосредственно реализовано даже в самом правдивом сценическом переложении сюжета пьесы, ее образов и ее мыслей.

Войницкого, дядю Ваню, играет М. Ф. Романов. Его игра делает этот хороший, достоверный спектакль событием. Москвичи любят и знают Романова не меньше киевлян, они считают его «своим», они помнят каждый его приезд... В дяде Ване Романов остается Романовым: не потому, что он не стремится особенно изменить свою внешность и выходит на сцену все тем же милым русским интеллигентом с чуть

как мыльный пузырь. Говорят, что правда выше жалости. Но романовского дядю Ваню очень жалко: обретение истины не приносит ему радости, на его глазах слезы, перо валится из рук, с ласковой иронией поглядывает он на Сою — нет, он уже не может разделить ее светлую и наивную грезу о «небе в алмазах». Таков финал.

Профессор М. Григорьев, рецензируя спектакль на страницах «Советской культуры», упрекает Романова в том, что его Войницкий не присоединился к оптимизму Сони, за которым якобы стоит оптимизм самого автора. Уважаемый профессор, думается мне, неправ. Неправ, во-первых, потому, что оптимизм Чехова (если уж непременно употреблять это понятие) вовсе не обязательно должен механически накладываться на судьбы его героев, а, во-вторых, потому, что вообще немного странно говорить об оптимизме Сони, надеющейся «услышать ангелов» и «увидеть небо в алмазах» всего лишь после смерти...

Какой прекрасный, милый, чудесный человек, этот дядя Ваня! — думаешь, уходя со спектакля. — Как его жалко! Как горько, что он оказался так обманут, что отдал свою честность, свою веру, лучшие годы свои служению ничтожеству, напыщенной мнимости, тому, кто целую жизнь был для него всем и однажды вдруг стал ничем!

И пусть для романовского дяди Вани уже все потеряно. Чудо настоящего искусства, быть может, в том и состоит, что ты, зритель, не ограничиваешься теми эмоциями, теми мыслями, которые непосредственно выносишь из театрального зала. Твоя мысль и твое чувство летят дальше, переносятся совсем на иные события и характеры, и в этом «дальше», коль скоро оно пришло к тебе, как раз и заключается поэтический итог спектакля.

Вл. САППАК.

Народный артист СССР Михаил Федорович Романов в роли дяди Вани.

Фото А. Лидова и А. Князева.

виноватой улыбкой, каким мы навсегда запомнили его по Феде Протасову (а романовский Протасов это уже наша классика—иначе и не назовешь!). Романов остается Романовым, потому что, оказывается, трепетно жива в артисте его лирическая, человеческая тема — тема совести, тема свободной и чистой души, которая при всей своей тонкости, мягкости обнаруживает вдруг абсолютную неподатливость к смыкающейся вокруг нее пошлости и лжи.

Романов в Войницком, как мне кажется, прежде всего играет тему прозрения, прозрения позднего и, следовательно, особенно безнадежного и горького. Жизнь прожита напрасно. Отдана служению идеалу, который лопнул,

274